

В. Г. Белинский

**<Стихотворения Е.
Баратынского>**

Виссарион Белинский
Стихотворения Е. Баратынского

«Public Domain»

1842

Белинский В. Г.

Стихотворения Е. Баратынского / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1842

Определяя историческое место Баратынского в русской поэзии, Белинский отмечает в нем «яркий, замечательный талант», и ставит его на «первое место» среди поэтов, вошедших в литературу вместе с Пушкиным. В качестве положительной черты критик отмечает преобладание в поэзии Баратынского мысли, которая «вышла не из праздно мечтающей головы, а из глубоко истерзанного сердца». Казалось, в Баратынском есть все, чего так не хватало и Майкову, и Полежаеву. И все же поэзия Баратынского во многом не удовлетворяет Белинского.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

<Стихотворения Е. Баратынского>

Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842.

Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва, 1835.

Пытливый дух исследования и анализа, по преимуществу характеризующий новейшую эпоху человечества, проник в таинственные недра земли и по ее слоям начертал историю постепенного формирования нашей планеты. Естествознание еще прежде, через классификацию родов и видов явлений трех царств природы, определило *моментальное* развитие духа жизни,^[1] от низшей его формы – грубого минерала, до высшей – человека, существа разумно-сознательного. Все это богатство фактов, добытых опытным знанием, послужило к оправданию априорных воззрений на жизнь мирового духа и очевидно доказало, что жизнь есть развитие, а развитие есть переход из низшей формы в высшую, и, следовательно, что не развивается, то есть не изменяется в форме, пребывая в однообразной неподвижности, то не живет, то лишено плодотворного зерна органического развития, рождаясь и погибая чрез случайность и по законам случайности. Такое же зрелище представляют и исторические общества, ибо и они или существуют по тому же вечному закону развития, то есть переходения из низших форм жизни в высшие, или вовсе не существуют, потому что одно фактическое, одно эмпирическое существование, как лишенное разумной необходимости, следовательно, случайное, равняется совершенному несуществованию: кто докажет теперь человеку непросвещенному и необразованному, что Греция и Рим существуют? – а между тем для человечества они и теперь существуют несомненно; кто не докажет всем и каждому, что Китай подлинно существует? – а между тем Китай все-таки существует для человечества меньше, чем китайский чай...

Внимательное исследование открывает, что и жизнь обществ, так же как и жизнь планеты, на которой они обитают, слагается из множества слоев, из которых каждый, в свою очередь, подобно разноцветным волнующимся лентам, отличается множеством слоистых пластов. Пласты эти – поколения, из которых каждое, удерживая в себе многое от предшествовавшего поколения, тем не менее и отличается от него собственным колоритом, собственным характером, собственной формой и собственной физиономией. Каждое последующее поколение относится к предшествующему, как корень к зерну, стебель к корню, ствол к стеблю, ветвь к стволу, лист к ветви, цвет к листу, плод к цветку. Но это сравнение только относительно, только внешним образом верно и не обнимает сущности предмета; дерево совершает вечно однообразный круг развития: выходя из зерна, оно зерном вновь становится, чем и оканчивается вся органическая его деятельность. По новейшим открытиям, жизненная сила и прототип каждого растения заключаются не только в зерне, но и во всяком листке его: отпадая и разносясь ветром, листья вновь являются деревьями, и через них нагие степи покрываются лесами. Но от листа дуба и рождается дуб, совершенно во всем подобный тому, от которого произошел, и тем дубам, которые сам произведет в свою очередь. Стало быть, здесь только повторение одного и того же типа во множестве одинаковых его проявлений; здесь, стало быть, то или другое дерево – явления совершенно случайные, а важна только идея рода дерева, который, возникши раз, вечно повторяет себя через однообразный процесс органического развития. Не таково общество: никто не помнит его исторического начала, теряющегося в туманной дали бессознательного младенчества; никто не скажет, где конец его развития, ни того, что будет с ним завтра, судя по вчера. И между тем, хотя его *завтра* и всегда заключено в его *вчера*, однако *завтра*

---

[1] «Моментальное развитие» – в смысле определенного момента, этапа развития. Белинский еще окончательно не отказался от характерной для периода его увлечения Гегелем фразеологии.

никогда не походит на *вчера*, если только общество живет *исторической*, а не одною *эмпирической* жизнью.

Целый цикл жизни отжила наша Русь и, возрожденная, преображенная Петром Великим, начала новый цикл жизни. Первый продолжался более *восьми* веков; от начала второго едва прошло *одно* столетие: но, боже мой, какая неизмеримая разница в значении и объеме жизни, выраженных этими *восемью* веками и этим *одним* веком! Иногда в жизни одного человека бывает день такого полного блаженства и такого глубокого смысла, что перед этим днем все остальные годы жизни его, как бы многочисленны ни были, кажутся только мгновением какого-то темного, смутного и тяжелого сна. То же самое бывает и с народами; то же самое было и с Русью.

Здесь мы опять должны сделать оговорку, чтоб добрые люди, любящие толковать наыворот чужие мысли, не вздумали *буквально* понять нашего сравнения: единичный человек (индивидуум) и народ – не одно и то же, так же как и счастливый день в жизни человека и великая эпоха в истории народа – не одно и то же. Подвиг Петра Великого не ограничился днями его царствования, но совершался и после его смерти, совершается теперь и будет бесконечно совершаться в грядущих временах, и все в более громадных размерах, все в большем блеске и большей славе... И до Петра Великого текло время, и поколения сменялись поколениями; но эта смена состояла только в том, что старики умирали, а дети заступали их место на арене жизни, а не в живой последовательности живых идей. Поколение сменялось поколением, а идеи оставались все те же, и последующее поколение так же походило на предшествующее, как один листок походит на тысячи других листьев одного и того же дерева. Правнук венчался в нарядном кафтане прадеда, а внучка в той же телогрейке, в которой венчалась ее бабушка, и все те же тут свахи, те же дружки, те же пиры и проч... Ход времени измерялся круговращением планеты, ее вечною весною, за которою всегда следовали лето, осень и зима, да еще лицами и именами, а не идеями, – случайными фактами, а не стройным развитием. Война или потрясала на время внешнее благоденствие государства, или укрепляла и расширяла его извне, а внутри все оставалось неизменным... Явился исполин преобразователь, привил к плодородной и девственной почве русской природы зерно европейской жизни, – и с небольшим в столетие Русь пережила несколько столетий. Развитие Руси и доселе носит на себе отпечаток могучего характера ее преобразования: она растет не по дням, а по часам, как ее сказочные богатыри. Из многих сторон возьмем ближайшую к предмету нашей статьи – литературу по отношению к обществу: давно ли завелась она у нас, а уже сколько слоев осталось на дне ее недавнего прошлого, сколько *поколений* резко обозначилось в сфере ее движения! И теперь еще на Руси есть целая публика, хотя и небольшая, которая от всей души убеждена, что Ломоносов «наших стран Малерб и Пиндару подобен», что Херасков – «наш Гомер, воспевший древни брани, России торжество, падение Казани», что Сумароков в притчах победил Лафонтена, а в трагедиях далеко оставил за собою и Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что с этими тремя поэтами кончился цветущий век российской словесности. Поклонники Державина уже холоднее к ним, хотя все еще высоко ставят их в своем понятии: известно, что Державин с горестью признавался, «сколь трудно соединить плавность Хераскова с силою стихов Петрова». Вообще, до Карамзина особенно трудно проследить изменение литературных понятий в поколениях; но с Карамзиным начинается совершенно новая литература и совершенно новое общество: к стукотне громких од до того прислушались, что уж больше писали и хвалили их (и то по преданию), чем читали; плакали над «Бедною Лизою», твердили нежные стихи ее творца: «Пой во мраке тихой рощи, нежный, кроткий соловей», «Кто мог любить так страстно» и пр.; зачитывали до лоскутов книжки умно, ловко и талантливо составляемого им «Вестника Европы»; в умных, прекрасно, по своему времени, обработанных стихах Дмитриева думали видеть бездну поэзии... Литературное поколение до Карамзина было *торжественное*: парад и иллюминация были неисчерпаемым источником его вдохновений, его громких од. Остроумный Дмит-

риев метко и ловко характеризовал это поколение в своей прекрасной сатире «Чужой толк». Следовавшее затем поколение было *чувствительное*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания